

Настал день провозглашения приговора, на рассвете снегопад утих, и в сей же час взошло солнце, тёплое и очень приятное.

Цзиши не поскупились и не только на завтрак подали горячий и превосходный димсам, но и на обед — восемь основных блюд, а это намного обильнее, чем было вчера.

На ужин еды было ещё больше, за подачу кушаний отвечали по крайней мере четыре охранника. Разнообразные горячие блюда и десерты на один столик не уместились, поэтому поставили другой стол — большой пиршественный. И неудивительно, ведь только одна славная золотисто-жёлтая жареная баранья тушка занимала почти половину стола.

Вероятно, все блюда, которые любил император Дунфань, сегодня подали разом.

Фэн Мин, уставившись на деликатесы, которые ему не съесть за всю жизнь, покачал головой, горько усмехаясь:

— У нас в Силэй есть обычай: преступнику, приговорённому к обезглавливанию, перед казнью тюремщик позволяет поесть, чтобы тот не стал голодным призраком. Неужели в Дунфань есть такой обычай?

— В Дунфань лишь со знатью, которая приговаривается к смерти, так хорошо обходятся.

Двое мужчин не проронили ни слова, а так как еда не вызвала аппетита, никто к ней и не прикоснулся.

Лу Дань взял чайник с вином [1]:

— Князь Мин, в пещерах, что за этими стенами, холодно, лучше промочите горло и согрейте тело. — И, наполнив большой бокал, поставил перед Фэн Мином.

— Благодарю. — Юноша, воодушевившись, поднял бокал, выпил залпом и с силой поставил на стол. — За тысячи лет тяжело даётся лишь смерть. Я не боюсь попасть в её объятия, только... только боюсь, что он огорчится, узнав... — Заметив на себе взгляд Лу Даня, Фэн Мин, приподняв уголки губ, со смехом сказал: — Я знаю, о чём думает господин советник, буду честен: я не верю, что Жун Тянь умер, и пока не увижу его мёртвое тело, я буду считать, что он жив. — В носу внезапно защипало, и, уткнувшись лицом в стол, юноша неожиданно разразился рыданиями.

Лу Дань ещё пристальнее посмотрел на князя и, не утешая его, взял бокал, который тотчас же наполнил вином.

Хоть Фэн Мин и лежал ничком, но всё равно вытянул руку и, нащупав перед собой наполненный хорошим вином бокал, тотчас же притянул его, запрокинул голову и выпил

залпом, после чего вновь разрыдался. Лу Дань, налив юноше вина, свободно осушил свою чашу и наконец медленно проговорил:

— Князь Мин, чайник уже пуст.

Фэн Мин прекратил лить слёзы, выпрямился, придерживаясь, и, взяв пустую чашу, швырнул на пол позади себя.

С бряканьем превосходный яшмовый бокал, упав на пол, разлетелся вдребезги.

Рукавом юноша наспех смахнул с лица слёзы и, подняв взгляд на советника, проговорил, внезапно оскалившись:

— Но нельзя позволять этим старухам узнать, что я плакал. — Взгляд прекрасных глаз скользнул по комнате, это движение было очень красивым, даже Лу Дань застыл, пребывая в растерянности.

Щёлк! Дверной замок открылся, на пороге появилась набожная цзиши, ведя за собой несколько охранников.

— Три дня уже прошли, прошу господина советника с князем Мином пройти к священному озеру и пред духами признать свою вину.

Двое мужчин последовали за набожной цзиши, и после того, как они прошли галерею, перед их глазами появилась чёрная большая каменная лестница, ведущая вниз. Когда Фэн Мина поднимали сюда, он находился без сознания и совершенно не знал этого пути, только догадывался, что их разместили, должно быть, на верхнем этаже небесно-земного дворца, иначе говоря, к небесно-земному озеру необходимо было спуститься. Пленников со всех сторон обступала охрана — почти идеальная надзирательная фаланга. Фэн Мин, окинув взглядом напряжённую спину впереди идущего охранника, заметил, что тот находится в крайне настороженном состоянии и готов справиться с любой чрезвычайной ситуацией. Князь вздохнул, выкидывая из головы мысль о незаметном побеге. Каменная лестница была очень длинной и изогнутой.

Следовавший рядом Лу Дань шепнул на ухо Фэн Мину:

— Половина небесно-земного дворца состоит из опочивален, а половина — из природных пещер, все эти каменные лестницы были сооружены в соответствии со структурами пещер. Рельефные стены дворца высокие, к тому же внутри дворец огромен. Внешне дворец похож на отвесную скалу, которую невозможно атаковать, можно считать, что это самый легко защищаемый и неприступный дворец во всех одиннадцати государствах. Если бы не это, этот советник за одну ночь тихо сравнял бы с землёй храм цзиши, а чтобы никто не узнал всей правды, публично объявил, что женщины скоростижно скончались от болезни. Что в этом сложного? — тая ненависть в душе, мужчина тихо вздохнул.

Фэн Мин, понимая, что дни героя сочтены, неизбежно тяжело вздохнул и, понизив тон, сказал:

— Господин советник, не нужно отчаиваться, кто знает, может, когда мы спустимся, государь уже выполнит задачу, и как только мы окажемся перед небесно-земным озером, духи явят чудо, — говоря это, юноша тоже мало верил себе. Небесно-земной дворец был и впрямь большим, спустившись по каменной лестнице, они оказались в крытой галерее, которой, казалось, нет конца, лучи света проникали туда всё меньше и меньше, а несколько охранников уже ждали их у главного входа. Увидев, что заключённые прибыли, охрана спешно зажгла находящиеся в руках факелы и отправилась вперёд, указывая дорогу. Пройдя приблизительно около четверти часа, они свернули за угол, и небесно-земное озеро внезапно возникло перед глазами. Фэн Мин пристально посмотрел — кристально чистая голубая вода ни капли не изменилась.

Возглавлявшая кучку набожных старух глава цзиши стояла перед озером и, холодно поглядев на Лу Даня и Фэн Мина, которых привели под охраной, проговорила:

— За три дня духи ни разу не явили чудо, и это служит достаточным доказательством, что Небеса вовсе не покровительствуют этому человеку. Он оскорбил духов, проклял святой дворец, за подобное преступление он приговаривается к смерти. Во имя всех духов мы, цзиши, выносим такое решение. У господина советника есть возражения?

Лу Дань, медленно стянув вуаль, взглядом прекрасных глаз, которые словно излучали яркий, будто солнечный, свет, полоснул по этой толпе ведьм, не позволяя последним даже глаз открыть:

— Глава цзиши очень давно не лицезрела этого лица, которое привлекательно императору? Жаль, я из-за страха, что глава цзиши станет распускать ложные слухи, которые затрагивали бы государя, всё время был вынужден носить вуаль вне стен императорского дворца. Зная заранее, что смерть находится в руках цзиши, Лу Дань, гуляя по императорскому дворцу, специально каждый день обнажал бы своё лицо, что так ненавистно вам, — с холодной усмешкой сказал он, после чего поменялся в лице, став холоднее, и, понизив тон, добавил: — Главе цзиши не стоит беспокоиться, поскольку я выдающийся советник и не могу отказаться от своих слов. Князь является гостем Лу Даня и никоим образом не касается государя. Вы хотите убить меня, смело приступайте. Однако если вы осмелитесь тронуть хоть волосок на голове императора, то духи вас загонят в подземный тёмный источник [2], где вы вдоволь хлебнёте мучений, которые будут длиться целую вечность!

В момент злости благоговейное лицо Лу Даня поменялось, становясь мрачным, ядовитые слова, словно иглы, вонзались в сердце, заставляя цзиши потерять дар речи, а их волосы встать дыбом. Как раз в эти минуты порыв северного ветра ворвался в пещеру, отчего пламя факелов суетливо заколыхалось и вытянутые бесчисленные тени на стенах пещеры покоробились. Даже Фэн Мин, предполагавший продемонстрировать приподнятое настроение, невольно втянул голову в плечи. Подняв голову, глава цзиши глубоким взглядом окинула Лу Даня и, искривив рот в злобной ухмылке, проговорила:

— Прошу господина советника, обратившись к духам, признать свою вину.

Несколько охранников подошли и силой заставили Лу Даня и Фэн Мина направиться в отдалённый угол пещеры.

— Что они собираются делать? — шёпотом спросил советника Фэн Мин, которому внезапно странная и порочная атмосфера стала сдавливать горло, не позволяя свободно вздохнуть.

Довольно невозмутимый Лу Дань блёкло ответил:

— Убить нас.

— А? Нужно найти способ потянуть время, и кто знает, может, император Дунфань вопрос уже решил.

— Князь Мин, не волнуйтесь, ещё осталось пройти несколько этапов.

В свете факелов стал виден отдалённый угол, в котором находился крохотный пруд шириной словно в две ладони, внутри пруда было пусто, даже капли воды там не было. Фэн Мин и Лу Дань под стражей дошли к каменному водоёму и перед ним встали на колени. Один охранник проговорил:

— Переверните руки ладонями вверх и опустите на край канавок водоёма покаяния. — Лу Дань, не говоря ни слова, последовал словам охраны. Фэн Мин, поглядев по сторонам, только и мог, что последовать примеру господина советника: вытянул руку и опустил в канавки. Порывы холодного ветра скользнули по шее, заставляя двух мужчин неожиданно задрожать, и юноша шёпотом спросил: — Не могут же они отрубить нам руки? О Небо, убили бы, да и ладно. Обязательно убивать по кусочкам?

— Не отрубят руку, а наоборот, перережут запястье, позволяя крови стечь в водоём покаяния. Оскорбление духов, будучи в храме, является крайне тяжким преступлением, и совершившему его необходимо своей кровью омыть небесно-земное кольцо. Глава цзиши и другие прикажут соорудить деревянный мосток и, сняв с камня, что стоит в центре священного озера, небесно-земное кольцо, поместят его в этот водоём покаяния...

На что Фэн Мин закрыл глаза и со вздохом сказал:

— А потом порежут наши запястья, прикажут охране держать нас до тех пор, пока вся кровь не вытечет из тел, а мы не превратимся в высушенные трупы, ну а небесно-земное кольцо окрасится свежей кровью двух мужчин.

— Князь Мин, прошу, не нужно оскорблять святое кольцо.

— Хватит, скоро оно примет ванну из Вашей свежей крови, но всё ещё является святыне...

Фэн Мин, открыв глаза, внезапно с небольшой надеждой проговорил:

— Разве тромбоциты не могут запечатать рану, предотвращая кровотечение? Тогда... если после того, как порежут запястье, рана перестаёт кровоточить, разве это не будет считаться намёком Небес, мол, незачем убивать этого преступника, а наоборот — надо отпустить?

— Порезанная рана постепенно прекратит кровоточить — подобное может случиться с каждым, разве можно считать это чудом? Охрана возьмёт кинжал, и как только кровь перестанет течь, она сделает более глубокий надрез, и так до тех пор, пока мы не умрём. Князь Мин, смотрите, деревянный мосток уже готов, и глава цзиши подходит к озёрному камню.

Князь послушно посмотрел туда, куда указывал Лу Дань: как только глава цзиши подошла к озёрному камню, она вытянула руку и действительно коснулась небесно-земного кольца. Однако женщина не спешила вытаскивать сокровище Дунфань, первым делом она опустилась на колени перед святыней и совершила обряд: трижды отвесила земной поклон и, прикоснувшись головой к холодному камню, что-то пробормотала себе под нос. Госпожи цзиши тоже, опустившись на колени на краю озера, неподвижно зависли в глубоком поклоне перед небесно-земным кольцом.

В пещерах было необычайно тихо, лишь молитва старой главы цзиши смутным эхом прервала тишину, угнетая и не позволяя свободно вздохнуть. Всё внимание сосредоточилось на священном небесно-земном кольце, которое собирались переместить, и только Фэн Мин смотрел на зеркально-голубую озёрную воду. Спасите! Ведь ни в коем случае нельзя допустить, чтобы его кровью омылся кусок камня.

— Эй, Вы заметили, в озёрной воде, кажется, появились пузыри? — Фэн Мин толкнул Лу Даня плечом в плечо.

— Не заметил, — честно ответил мужчина, посмотрев на озёрную воду.

— Правда ничего не замечаете?

— Правда.

— Смотрите-смотрите, я считаю, что это, определённо, газ стал выходить.

На что Лу Дань со вздохом проговорил:

— В такой ситуации к чему обманывать себя, князь Мин?

А в этот момент глава цзиши, поцеловав несколько раз камень, дрожа, поднялась на ноги и обеими руками взяла драгоценное небесно-земное кольцо. Обречённый на смерть Фэн Мин зажмурился и пробормотал:

— Жун Тянь, я сейчас и впрямь погибну. Кто бы мог подумать, ты, величественный император Силэй, даже своего возлюбленного защитить не смог, что наверняка станет исторической досадой. Ладно с историческими книгами, вот только я действительно скучаю по тебе, в загробном царстве пусто и одиноко, а мерзким служителям, что с бычьей головой и лошадиной мордой [3], разве стать на сотую долю красивее тебя? Даже если они будут такими красивыми, как ты, я всё равно их не полюблю. После того, как я умру, будет хорошо, если ты сделаешь своей императрицей Мэй Цзи и каждый день будешь вспоминать имя князя Мина по двести, нет, по две тысячи раз на дню, иначе я, даже будучи мёртвым, тебя не отпущу и не пощажу. — На одном дыхании хаотично пробормотав, Фэн Мин вобрал в лёгкие ещё воздуха, собираясь закончить последние слова, обращённые к Жун Тяню, как до слуха донёлся крик Лу Даня, едва не разорвав барабанные перепонки: — Чудо! Чудо свершилось! Князь Мин, скорее смотрите! — Сердце юноши неистово забилося в груди, а сам князь, открыв глаза, поглядел на небесно-земное озеро.

В озёрной воде непрерывно стали появляться пузырьки газа, вмиг превращая хрустально-голубую воду в необычно ужасную чёрно-мутную, но дело было не только в этом, по мере того, как вода темнела, неожиданно на водной поверхности стали подыматься клубы постепенно нарастающего тумана, который не рассеивался и раскрашивал хрустально-голубое святое озеро в необычно мрачные тона.

— Небо! Что же это за штука? Углекислый газ с сульфатом меди может формироваться в водяной пар? Неужели это экзотермическая реакция? — почесал Фэн Мин затылок.

Лу Дань радостно проговорил:

— Неважно, что это, чудо уже явилось, мы победили! — Резко поднявшись на ноги, мужчина громко сказал: — Глава цзиши нарушила волю духов, желая навредить Благородному, которому покровительствуют Небеса, и сейчас духи прогневались, и святое озеро потемнело. Вы признаёте свою вину?

Стоящая у камня в центре озера глава цзиши, дрожа от страха, наблюдала за всем, что происходило под ногами, однако, услышав слова Лу Даня, женщина подняла голову и забранилась:

— Это последствия твоего злодейского гостя, которого ты привёз сюда и который проклял священный дворец!

— Это последствия Вашей, глава цзиши, непочтительности к духам! — Когда поднять шум, если не сейчас? И Фэн Мин, подняв голову, также встал с колен. Он слишком часто видел, как ругаются по телевизору, и сейчас решил повторить всё то, что слышал. Уперев руки в боки, он громко сказал: — Я уже говорил, что если навредите мне, то небесно-земной дворец рухнет, а вы, как назло, мне не поверили, ещё обвинили меня в том, что я проклял святой дворец. Духи изначально хотели, чтобы вы благоговейно кланялись им, и хотели вас пощадить, поэтому в течение трёх дней никаких приговоров не выдвигали, вам же только и надо было как можно радушнее меня принять, и тогда всё было бы хорошо. Откуда было знать, что ваши сердца и кишки как отравы [4], вы не только не уберегли посланный духами шанс, так ещё хотели

продолжить вредить мне. Ну тогда духи разгневались и призвали вас к ответу, разрушив небесно-земное озеро. Вы привели священную землю Дунфань к разрушению, став государственными преступниками, народными злодеями. Если не образумитесь, духи наверняка продолжат наказывать вас...

— А! — не дав договорить, стоящая в заполненном густым туманом озере глава цзиши внезапно несколько раз вскрикнула от ужаса, находящееся в её руках небесно-земное кольцо выпало и, упав на камень, разбилось вдребезги. На этот раз все присутствующие испугались, толпа старых ведьм, подняв взгляд, уставились на главу цзиши, в их глазах читался страх.

Лу Дань почтительно бросил взгляд на Фэн Мина, втайне хваля мудрый и уникальный план князя. Сам же юноша широко раскрыл рот. Он просто так «ляпнул», как его слова смогли в точности претвориться в жизнь? Обездвиженные охранники храма цзиши, увидев перед глазами немыслимое зрелище, содрогнулись, не в силах прибегнуть к оружию. Время словно остановилось, а в пещере эхом пронёсся осипший и заунывный крик ужаса главы цзиши.

Женщина обеими руками закрыла лицо и, шатаясь, стояла на большом камне, похоже, испытывая огромные мучения, её тело искривилось, и, словно не найдя опоры, рухнуло в озёрную воду, которая уже не была столь хрустально-голубой.

Брызги воды разлетелись во все стороны, а вопли барахтающейся главы цзиши всё ещё стояли в ушах. Толпа цзиши обезумела от страха: духи сильно разгневались, как тут осмелиться пошевелиться?! Одна за другой госпожи цзиши, прижавшись к земле, склонили головы, и ни одна из старух не протянула руку, чтобы вытащить главу цзиши из воды. Стоящий вдалеке Фэн Мин, услышав крик женщины, почувствовал, как в душе всё перевернулось, и только сделал шаг, как Лу Дань мягко остановил его, встав на пути. Голос главы цзиши становился слабее, постепенно затихая. После чего советник шёпотом проговорил:

— Всё кончено, князь Мин, нужно уходить, следуйте за мной. — И потянул вверх по ступенькам всё ещё не пришедшего в себя от потрясения князя.

— А! — внезапно донёсся крик ужаса, заставляя Фэн Мина задрожать. Князь, обернувшись, увидел, что этот густой туман уже распространился по берегу, где находились коленапреклонные цзиши, и несколько женщин так же, как и их глава, прикрыв лицо, истошно завопили. Напрягая зрение, юноша внимательно рассмотрел их руки, которые постепенно становились чёрными, и, не сдержавшись, выкрикнул: — Тогда этот туман не водяной пар и может разъедать кожу! — Князь ненадолго остолбенел и, внезапно всё осознав, проговорил: — Тогда это должна быть серная кислота, она интенсивно вбирает влагу и может обуглить кожный покров. Я понял! Тот газ не являлся углекислым, он может образовывать осадок и сернокислотный туман. Неужели тем газом был сероводород? Кто бы мог подумать, что я нечаянно приму сероводород за углекислый газ.

Фэн Мин подумал: «Если бы здесь оказался учитель химии, он бы наверняка безжалостно ударил книгой по голове. Разве такая реакция от углекислого газа и меди? Если бы мы действительно пропустили углекислый газ, Фэн Мин, ты наверняка уже был бы мёртв. А сероводород — крайне эффективный способ!» На этот раз действительно духи спасли и

помиловали юношу.

— Но внешние признаки всё же очень похожи, в основном это схоже с тем, что было во время испытаний: образовывается чёрный осадок сульфида меди, а потом ещё — пары серной кислоты, и получаем... серную кислоту! Серная кислота разъедает, Лу Дань, быстрее крикни им, чтобы они скорее выходили из густого тумана — это серная кислота, она может обжечь их кожу. Глава цзиши наверняка тогда перепугалась и истошно вопила из-за того, что её кожу разъело, и, очевидно, из-за этого страха упала в озеро!

Лу Дань, таща за собой громко кричащего Фэн Мина, направился к большим воротам небесно-земного дворца, говоря:

— Ясно, что это воля духов, к чему князю Мину так переживать? — Они миновали нескольких охранников храма цзиши, которым небо с овчинку казалось[5], и никто не осмелился останавливать господ. За дверью императорского дворца было прекрасное и тёплое солнце, а внутри — сумрачный мрак, словно два мира столкнулись друг с другом.

Как раз в эти минуты император Дунфань в сопровождении приближённых охранников спешно направлялся к воротам небесно-земного дворца. Увидев, что Лу Дань гордо стоит на ступенях, ведущих во дворец, император с восторгом проговорил:

— Господин советник добился успеха!

Не обращая внимания на присутствие охранников, император неожиданно бросился к советнику. Лу Дань, заключая возлюбленного в объятия, с лёгкой улыбкой ответил:

— Государь тревожился, не стоило. Глава цзиши разгневала духов и уже подверглась наказанию, а сами цзиши, что долгие годы приносили хаос в дела государства, вызвали ненависть духов и разрушили святое озеро, их следует строго наказать. Как Вы считаете, Ваше Величество?

Император Дунфань разве мог возразить?! И, кивнув, молодой мужчина проговорил:

— Все повинуются приказу господина советника.

— Что же, замечательно, — Лу Дань вольготно кивнул, щёлкнул пальцами, и один высокий мужчина, стоящий в углу стены, сделал шаг вперёд, смиренно склонив голову перед ним. И господин советник с лёгкостью проговорил: — Государь уже издал императорский указ: строго наказать тех, кто находится в храме цзиши. Захвати своих людей и спустись, чтобы исполнить волю императора.

Мужчина, понизив тон, отозвался:

— Слушаюсь. — И махнул рукой: сзади возникло отобранное войско, на лицах людей читался гнев, а в руках они держали острые мечи.

Фэн Мин, уставившись на этих убийц, которые тихо ворвались в небесно-земной дворец, перевёл взгляд и посмотрел на Лу Даня:

— Господин советник, Вы же не хотите...

— Князь Мин, успокойтесь. Все, кто находится в храме цзиши, хоть и заслуживают смерти, однако они, в конце концов, служители духов, этот советник сохранит их тела невредимыми. — Увидев блёклую улыбку на лице Лу Даня, Фэн Мин почувствовал, как холод охватывает тело, а в глазах высокомерный советник совершенно преобразился. Князь, вновь испугавшись и в то же время разгневавшись, спросил:

— Печально, неужели господин советник хочет их всех убить?

Хоть во дворце было лишь несколько десятков цзиши, однако к ним прибавлялись многочисленная свита и служанки, ещё отвечающие за безопасность небесно-земного дворца охранники храма цзиши, всего, вероятно, более тысячи человек. Лу Дань искривил губы: истребление уже началось.

— А! Спасите!

— Пощадите меня...

— Не убивайте меня, я не слуга цзиши... А-а!

— Спасите! — прерывистые крики ужаса вырывались из небесно-земного дворца, а запах крови постепенно становился сильнее.

Несколько служанок, бежавших к дворцовым воротам, тотчас же были зарублены охранниками, которые отвечали за караул. Алая кровь окропила главную залу небесно-земного дворца. В сумрачный день Фэн Мин впервые почувствовал, как холодеет от ужаса.

Лу Дань, закрыв глаза, внимательно слушал истошные вопли, словно прекраснейшую песню. Изогнув губы в кривой ухмылке, мужчина слегка приоткрыл глаза и, обращаясь к Фэн Мину, мягко проговорил:

— Князь Мин не рад за государя и Лу Даня? Это достойно навсегда остаться в памяти каждого жителя Дунфань! Этот день, когда вносящие смуту в дела государства цзиши были уничтожены, станет историей.

— Вы — утративший разум убийца! — Фэн Мин, гневно глядя вперёд, почувствовал боль в руках, которые заломили за спину и связали окружившие с обеих сторон охранники. Эти двое, обладавшие огромной нечеловеческой силой, надавили вниз, от боли в лопатках Фэн Мин заскрежетал зубами.

— Государь! — яростно зарычал князь и обратил взор на главного хозяина Дунфань: — Вы обещали мне: если только Лу Дань спасётся и будет невредим, Вы выполните любые мои требования. Я хочу, чтобы Вы немедленно отправили меня в Силэй! Если Вы заключите меня в тюрьму, то станете безнравственным и бесчестным подлецом, которому нет веры!

Император Дунфань, взглянув на Фэн Мина, медленно со вздохом произнёс:

— Князь Мин неправильно всё понял. Как Мы осмелимся заключить в тюрьму почётную персону, которой покровительствуют Небеса?

— Священное озеро уничтожено — это ключевой момент. Если царствующий дом Дунфань вновь причинит князю Мину, почётному гостю, хоть малейшее зло, то как мы объяснимся перед духами? — Лу Дань в недоумении нахмурил брови. — В день, когда Жун Тянь умер, пусть даже я из царствующего дома Дунфань, но взял на себя ответственность за защиту князя Мина.

Примечания:

[1] Чайник для разогревания и подачи вина.

[2] Загробный мир.

[3] Согласно будд. мифологии есть два служителя в потустороннем мире, один - с головой быка, другой - с лошадиной мордой, а также образно: мерзкий, отвратительный.

[4] Обр.: злой, жестокосердный.

[5] «Небо в овчинку (показалось)» — о сильном потрясении, о чём-либо страшном.

<http://bllate.org/book/13377/1190146>